

- функціонування / Сост.: А. П. Логунов, Т. В. Евгеньева. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. – 95 с. – С. 5-22.
8. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; Сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526, [2] с.
  9. Міщенко М. Д. Ідеологія, соціальна міфологія та трансформаційні процеси в українському суспільстві / М. Д. Міщенко. – К.: НІСД, 1998. – 102 с. (Сер. «Соціальні стратегії»; Вип. 4)
  10. Мелетинский Е. М. Мифология / Е. М. Мелетинский // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1983.
  11. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. // Социологические исследования. – 1992. – № 4.
  12. Мишанич Мотря, Мишанич Степан. Міф, міфологія, міфологізм, міфокритика, міфопоетика: історія інтерпретації і розмежування понять / Мотря Мишанич, Степан Мишанич. – Донецьк: Норд-Прес, 2002. – 60 с.
  13. Одайник В. Психология политики / В. Одайник. – СПб.: Ювента, 1996.
  14. Осаченко Ю. С. Миф и логос науки / Ю. С. Осаченко // Философия науки: Научное издание по философии, методологии и логике естественных наук. – Новосибирск, 2012. – № 4 (55). – 164 с. – С. 3-19.
  15. Садовніков О. К. Міфологія як предмет соціально-філософського аналізу : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. : 09.00.03 «Соціальна філософія та філософія історії» / О. К. Садовніков. – Харків, 2004. – 20 с.
  16. Смирнов М. Ю. Мифология и религия в российском сознании: Методологические вопросы исследования / М. Ю. Смирнов. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 2000. – 130 с.
  17. Соловьева Н. С. Проявление оппозиции «свой – чужой» в социальных группах (на материале фразеологии) / Н. С. Соловьева. // Проблемы истории, филологии, культуры. Гл. ред. Абрамзон М. Г. – № 2 (36) апрель – июнь. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2012. – 434 с. – С. 388-396.
  18. Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер. – М., 1997.
  19. Шоріна Т. Г. Сучасна міфологія: алогізм традиції / Т. Г. Шоріна. // Практична філософія: Науковий журнал. – № 3, 2004 (№ 13) / Ред.колегія Андрущенко В. П., Горський В. С., Губерський Л. В. та ін. – К.: ПАРАПАН, 2004. – 228 с. – С. 48-54
  20. Jung C.-G. Von den Wurceln des Bewutseins / C.-G.Jung. – Zrich, 1954.

Summary. The article outlines the theoretical aspect of the study of social mythology. An attempt to define the problem of issues related to the transformation of archaic myths in modern society: the views presented the scientific understanding of the sacred and social mythology, identified the causes of regeneration of archaic myths that pass long process of adaptation in society.

Key words: archaic myth, mythology, myth, profane, sacred, simulation, social myth, mythology public.

УДК 007 : 304 : 070

А.С. Волковинский

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЗАГЛАВИЯ В ФЕЛЬЕТОНАХ В. КАТАЕВА

Стаття присвячена аналізу особливостей втілення основного жанрового принципу фейлетону (асоціативна зв'язаність матеріалу) завдяки комунікативній функції заголовку. Заголовки фейлетонів В. Катаєва не лише слугували белетризації фактологічної основи, але й ставали початковим імпульсом збудження читачької фантазії. Заголовок фейлетону В. Катаєва розпочинає своєрідну гру між автором і реципієнтом, спрямовану на кодування / декодування тексту.

Ключові слова: заголовок, комунікативна функція, фейлетон, В. Катаєв.

Заглавие фельетона неизменно становится объектом и предметом современных исследований. К заглавию фельетона обращаются представители различных научных специальностей. На рубеже XX – XXI веков усиливается внимание к заглавию фельетона в аспекте изучения журналистики как сферы реализации социальных коммуникаций. Так, А. Пазникова рассматривает

заглавие произведений А. Аверченко малой прозы как результат синтеза рассказовых, фельетонных и портретных жанровых структур [11]. Социально-исторические особенности заглавий анализируются в работах Е. Сибиренко-Ставрояни, О. Мелешенко [12; 8]. Семантико-смысловые черты и функционально-структурные типы заглавия в дискурсе масс-медиа заинтересовали Л. Павлюк [10]. Взаимосвязи между заглавием и содержательной структурой текста исследует М. Доценко [2]. Заголовок определяется Л. Артемовой в качестве маркера экспрессивности газетного материала [1]. Но при этом очень мало публикуется работ, в которых детально бы изучались заглавия фельетонов отдельных авторов.

В. Катаев – признанный мастер фельетона, вписавший яркие и запоминающиеся страницы в историю развития этого жанра. В 1920-х гг. В. Катаев создал беллетризованный фельетон-комментарий, в котором органично сочетались публицистический пафос и художественная выразительность.

Разнообразные виды повествования, использованные в катаевском фельетоне, позволяли ощутить присутствие автора не только в языковых формах, но и в композиционных. Композиция катаевского фельетона тяготеет к устойчивости и выработанному канону. Неизменно выделяются три части: зачин (функциональную роль которого иногда выполняет и эпиграф), основная повествовательная часть (середина) и концовка (вывод). Практически В. Катаев, как и многие фельетонисты первой трети XX века, писал фельетон ради вывода. К тому же, выбор соотношения формы и содержания фельетона, рассказчика и персонажей, изобразительно-выразительных средств часто диктовался задачей максимального облегчения восприятия произведения неуклюжему и малограмотному читателю.

То, что авторское присутствие стало обязательным в каждом фельетоне В. Катаева, служило процессу группирования фельетонов. Как и частные факты единого объективного мира, фельетоны В. Катаева тяготеют к простому объединению в одно целое: в циклы, в серии, даже – книгу. Многие из них были переизданы писателем в сборнике «Горох в стенку» (1962). Более того, «раздел фельетонов органично входит» в катаевскую книгу «Разное» (1970), «добавляет еще один важный штрих в размышления автора о путях и судьбах литературы» [13, 245]. Подобные объединения требовали от писателя тщательного отбора произведений и обоснования принципа группировки. Единственным гарантом успешного объединения разнородного литературно-публицистического материала выступала гипертрофированная роль автора почти во всех катаевских произведениях. В итоге, «Горох в стенку», «Разное» и другие сборники произведений В. Катаева получали своеобразную композиционно-архитектоническую организацию, отличающуюся по принципам компоновки, наполнения и окончательного оформления мозаичностью. В. Катаев и в отдельном фельетоне, и в более масштабных образованиях фактологический и содержательный материал неизменно группирует по ассоциативному принципу.

Первым и весьма важным звеном ассоциативного ряда в фельетонах В. Катаева становится заглавие произведения. Смысловая глубина заглавия и смысловое наполнение фельетона – взаимосвязаны и взаимообусловлены. Их сущностная значимость в полной мере вскрывается только после прочтения всего произведения.

Заглавие фельетона, в первую очередь, определяет начало реализации авторской публицистической задачи. При этом заглавия катаевских фельетонов – полифункциональны, т. е. соответствующие информативным, рекламным, аппелятивным (контакт между автором и читателем) и эмотивным (авторское отношение к сообщаемому) целям. Но главное – заглавия катаевских фельетонов способствуют созданию художественной многозначности публицистического текста, расширению и углублению смыслового наполнения внутренней формы произведения.

Часто заглавие фельетона варьируется в последних строчках произведения. Текст фельетона как бы подчиняется задаче объяснения смысла заглавия. В фельетоне «Опереточные малютки» (1526) В. Катаев цитирует письмо рабкора, затем приводит анекдот, после этого по анекдотической схеме дает две сценки-диалога и находит необходимым закончить фельетон словами, созвучными с заглавием: «*Развитесь, милые малютки!*» [7, т. 2, 320]. По сути, внедрен принцип композиционного кольца, благодаря которому читателю внушается мысль о цикличности и замкнутости преподносимых фактов. Кольцевая композиция способствует проведению читателя по смысловому кругу: от заглавия фельетона к его финалу и от финала – опять к заглавию. В таком воображаемом движении полнее и глубже становится проникновение реципиента в смысловое ядро публицистического произведения, усиливается и с достаточной четкостью определяется основная авторская мысль.

Если исходный материал таил в себе удачную словесную формулировку, В. Катаев брал ее в качестве заглавия, углубляя при этом ее содержательную суть личностными ассоциациями. Например, рабкор сообщил следующее: «*При ст. «Дурово» М.-Б.-Б. существует клуб. Организационная просветительская комиссия задалась целью связаться с массами крестьян путем смычки, не зная значения этого слова. Наша комиссия назвала «смычкой» танцы в клубе. Кроме*

этой смычки ничего не увидишь» [5]. В. Катаев назвал фельетон «Полька «смычка» (1924), образовав рифмующуюся пару. Автор получил возможность построить весь фельетон на обыгрывании этого словосочетания, что привело к эффективному продуцированию различных ассоциаций.

Заглавие катаевского фельетона – также один из элементов литературной игры между автором и читателем. В. Катаев часто использует «обманчивые», антонимичные по отношению к содержанию фельетона заглавия. Читателя должны настораживать названия «Чудо кооперации» (1924), «Всесоюзная редкость» (1923), «Парад победителей» (1926), «Твердокаменный старик» (1926) и другие.

Фельетон, носящий название «Хороший пример» (1926), состоит из нескольких сценок-диалогов, ассоциативно выплывающих из содержания эпиграфа. В рассказ о том, что члены месткома, предкультикомиссии, комсомольцы играют в азартные игры, вплетена тема деятельности ЧК. Вот звучащие в диалоге фразы: «– Что ж ты мне все белогвардейских королей подсовываешь? Это не по-товарищески». «– А ты их бей чрезвычайными тройками» [7, т. 2, 324]. В этом фельетоне В. Катаев обошелся без прямого дидактического вывода, организовав материал по принципу контрапункта. Читателю «слышатся» не только голоса различных персонажей фельетона, но и приглушенный до определенного момента голос автора. Произведение оканчивается фразой: «Было тихо, но весело. Станция Жемчужная процветала» [7, т. 2, 325]. После этого читатель должен был бы еще раз вернуться к названию, чтобы понять его полный смысл: действительно ли хороший пример подают окружающим люди, которые совмещают выборные должности с азартными играми.

В патетике подобных заглавий таился подвох для читателя, который интуитивно догадывался о наличии подтекста в таких названиях и стремился к его декодированию. Таким образом, у читателя повышался интерес не только к содержанию фельетона, но и к личности фельетониста как партнера по литературной игре.

С целью активизации памяти и ассоциативного восприятия читателя В. Катаев весьма широко использует в заглавиях фельетонов аллюзии исторического, социального, библейского, литературного характера: «Евангельская история» (1926), «Сказочка про административную репку» (1926), «Сапоги и капуста» (1934), «В палате №...» (1939), «Ионыч из Вашингтона» (1947). Потенциал развернутой реминисценции заключали в себе заглавия, которые буквально повторяли широко известные названия литературных произведений: «Война и мир» (1924), «Поединок» (1925), «Похвала глупости» (1927), «Два гусара» (1934), «Донжуан» (1936).

В роли заглавий выступают также окказиональные образования: «Крадио. (Краденое радио)» (1926), «Конотопская нарпытка» (1926); и алогизмы: «Бородатый малютка» (1924), «Беременный мужчина» (1926). В качестве заглавий В. Катаев еще использовал фразеологизмы и устойчивые словосочетания в авторской обработке: «Веселие Нязепетровской есть пити» (1926), «Приятное с полезным» (1926), «Тащить и не пущать» (1926), «Курица – не птица» (1927).

Принцип образования таких видов заглавий – ассоциативный: он предполагает отталкивание от общеизвестного, изменение его смысла путем активации сугубо личностного восприятия. Полисемантичность заглавий катаевских фельетонов актуализировала в воображении читателя те или иные понятия и представления, побуждала к прочтению произведения и, вместе с тем, служила доказательством оригинальности ума и восприятия автора.

Заглавия фельетонов В. Катаева, как и заглавия фельетонов многих других авторов 1920-х годов, обладали особенностью, заключающейся в том, что «прямое отражение темы заменяется опосредованной отсылкой к ней намеком, вызывающим ассоциации, выдвижением обобщенного образа, репликой оценочного характера» [4, 14]. Заглавие в катаевских фельетонах становится своеобразным тематическим мотивом, звучащим на протяжении всей книги. Автор кропотливо, вновь и вновь возвращаясь сложными ассоциативными ходами к исходному (озаглавленному) моменту, вовлекал читателя в размышления по поводу точности и глубины оценки обыгрываемых фактов и событий. Читателю просто необходимо было весьма внимательно прочесть все произведение, чтобы понять общий смысл заглавия фельетона. При этом, заглавия фельетонов В. Катаева – неизменно яркие и неожиданны.

Достижению такого качества часто помогали гипербола и гротеск. Катаевский фельетон часто основывается на использовании гиперболы тогда, когда факт, положенный в основу произведения, сам по себе обладает потенциалом сильного эмоционального воздействия. Так, в основу фельетона «Чудо кооперации» (1924) положен факт, отмеченный «Рабочей газетой»: «Нарсуд 3-го участка Каширского уезда села Иванково признал отцами родившегося у гражданки Поляковой ребенка – Кузнецова, Титушина, Жемарина и Соловьева» [7, т. 2, 304]. Вышеупомянутых лиц В. Катаев вовлекает в сценку допроса на суде. Все они, признавая факт интимной связи с гражданкой Поляковой, отказываются от ребенка. Судья восклицает: «Так чей же он, черт возьми? Моего секретаря он, что ли?»; после этой фразы «секретарь смертельно побледнел и выронил ручку. – Происходит происходило, – пролепетал секретарь, – а только ребенок не мой ...» [7, т. 2, 305]. Включение в цепь вымышленного звена способствует усилению нелепости и амораль-

ности ситуации. В. Катаев продиктовал гротескно заостренное постановление суда: «Ввиду всего изложенного выше, а также принимая во внимание существующие законоположения о кооперации, признать вышеупомянутого младенца мужского пола ко-о-пе-ра-тив-ным, а граждан Кузнецова, Титушина, Жемарина, Соловьева и секретаря Гелиотропова – членами правления кооперативного малютки. Означенных граждан кооператоров обязать своевременно вносить «членский» взнос. Малютке же впредь присваивается кооперативная фамилия Кузтижемсолов и имя – Секретарь» [7, т. 2, 306]. Заостренные, благодаря гротескному сочетанию реального и вымышленного, жизненные коллизии не просто приводят читателя к осознанию абсурдности ситуации, но и позволяют ему сделать обобщающие выводы. Бурлескно-травестийная подача материала служит воплощению принципа «мир наизнанку», усиливающему контрастность высокого и низменного, идеального и пошлого.

То, что гипербола и гротеск имели под собой фактическую основу, позволяло преувеличению стать органичной частью текста фельетона. Не лишая содержание произведения черт правдоподобия, гипербола и гротеск повышали степень его условности. Для неподготовленного и неискушенного читателя трудно было определить грань между реальным миром и мистифицированным. В 1960-е годы В. Катаев пришел уже к твердому убеждению о том, что жить нужно одновременно в двух мирах – действительном и воображаемом: «Одно без другого было для меня невыносимо. Их разделение сразу превратило бы искусство либо в абстракцию, либо в плоский протокол. Только слияние этих двух стихий может создать искусство поистине прекрасное» [6, т. 6, 202]. Активная апробация такого слияния была проведена в катаевском фельетоне. Заглавие становилось отправной точкой в процессе преодоления плоского протоколизма действительности и в усилении художественного начала в фельетонах В. Катаева. По сути, наряженные и продолжительные творческие поиски, эксперименты в жанре фельетона привели писателя к формированию общих представлений о специфике искусства, литературы и публицистики. Особая роль принадлежала опыту, приобретенному писателем в процессе освоения жанрового содержания и формы фельетона.

Анализ общей поэтики заглавий фельетонов В. Катаева свидетельствует о том, что определенные формально-содержательные приемы художественной организации жизненного материала, присущие произведениям позднего В. Катаева, осваивались им уже в ранний период творчества. Главный из этих приемов – ассоциативная компоновка – отшлифовывался именно в фельетоне, начиная с его заглавия.

Путь В. Катаева к вершинам литературного мастерства лежал через фельетон. Это справедливо и по отношению к жанровой специфике поздней прозы В. Катаева, которую часто называют лирической. Фельетон вообще, а фельетон В. Катаева в частности «представляет собой попытку соединения материала не героем, а рассказчиком. Это разроманивание материала» [14, 411]. Кроме того, в фельетоне В. Катаева материал часто связывался даже не рассказчиком, а непосредственно автором. Писатель был занят не столько построением сюжета фельетона, сколько построением повествования. Именно организация речевой системы фельетона была взаимосвязана с заглавием произведения. То, что заглавия, их словесные элементы, становились фрагментами текста фельетона, способствовало интенсификации коммуникативного процесса. Факты и события в словесной вариативной интерпретации получали постоянную перекодировку и наполнялись новым смыслом.

Движение читателя от заглавия к тексту, а потом возможные возвращения от текста к заглавию и от заглавия к тексту обратно сродни циркулярной модели коммуникации. Автор (отправитель информации) и читатель (получатель информации) становились равноправными партнерами и участниками сбалансированного коммуникативного процесса. С заглавия фельетона начиналось кодирование информации о факте или событии, готовившее сообщение. При декодировании реципиент обязательно возвращался к заглавию фельетона и получал возможность собственной интерпретации материала за счет обогащения тех ассоциаций, которые были актуализированы в ходе реализации избранной модели общения.

В. Катаев, занимаясь фельетонами на протяжении нескольких десятилетий параллельно с созданием беллетристических произведений не только приобретал, но и терял. Д. Заславский довольно точно отметил особенности времени, наложившие неизгладимый отпечаток на многих писателей: «В особенности трудно соблюдать меру художественности писателям, приходящим в газету. Их стесняет «публицистичность» фельетона. А писатели, вышедшие в литературу из газеты, часто не могут отделаться от этого элемента публицистики, и их рассказы, пьесы смахивают на фельетоны» [3, 25]. В. Катаев привнес в фельетон подчас избыток художественности, а беллетристические произведения, в свою очередь, наполнил публицистичностью. Не всегда такие взаимообогащения являлись у В. Катаева художественно или публицистически совершенными.

По условиям советской действительности фельетон стал соединением политико-идеологической тенденциозности с разнообразнейшими художественными приемами. А «именно в точке пересечения литературы и политики тоталитаризм оказывает на интеллигенцию самое болезненное

давление» [9, 278] Советский фельетон стал той точкой пересечения литературы и политики, в которой художественный поиск автора сковывался тесными идеологическими рамками. По сути, советский фельетон (как и все искусство социалистического реализма) стал своеобразной школой формализма: тема, и ее идейное решение не допускали широкой амплитуды субъективных проявлений, авторам оставалось соперничать только в форме и в деталях, в невероятнейших комбинациях из фраз-заготовок.

Фельетоны В. Катаева представляют собой различные комбинации неизменяемых элементов, которые выступают в виде тех или иных общеизвестных тем. Разнообразие фельетонов и их своеобразии достигались за счет изменений в структурно-композиционной организации текста. Возможно, в этом нашло проявление оригинальное полифоническое мышление В. Катаева.

Фельетон В. Катаева совместил в себе две линии развития жанра в послеоктябрьскую эпоху: «классическую» и «советскую». В XIX веке фельетон был обозрением бытовых происшествий, городских новостей, книг, театральных постановок, своеобразным очерком нравов. «Советский» фельетон приобрел существеннейший жанровый определяющий признак – сатирическую направленность. В. Катаев-фельетонист мог клеймить врагов советской власти, пережитки прошлого, но и умел увлечь читателя «погремушкой шутки», «живым словом ума» (В. Белинский).

Форма фельетона привлекла В. Катаева возможностью более или менее относительно свободной (хотя бы в художественном плане) интерпретации пусть даже заданных тем. Если право на свое видение факта, рассмотрение его в определенном этическом и социологическом аспектах реализовывалась не полностью, то писатель получал шанс перевода почти любого (разумеется, идеологически и политически не вредного) ординарного осколка объективной реальности в эстетическую плоскость.

Иногда искусно, иногда нарочито размывая грань между миром действительным и воображаемым, катаевский фельетон образует огромный потенциал жанровой трансформации. Его форма при этом, сохраняя поначалу четкость и рельефность, таила в себе подспудное стремление к аморфности и расплывчатости.

В соответствии с задачами коммуникативного процесса заглавие фельетона должно отличаться лапидарностью. Благодаря такому качеству усиливается риторическое начало фельетона. Краткое, но ясное и выразительное заглавие фельетона структурировало весь материал произведения, задавало основной вектор восприятия его внутренней формы.

Особенности механизма озаглавливания фельетона В. Катаевым сводятся к тому, что прямая номинация темы заменена намеком (аллюзией), репликой оценочного характера, опосредованной отсылкой к фактической основе. Заглавие служило одним из средств беллетризации фельетонного факта, концентрации смысловой значимости произведения, возбуждения читательских ассоциаций.

Фельетон, как это вытекало из восприятия В. Катаевым жанровых принципов, позволял всевозможные нарушения, изменения жанровых границ. Фельетон стал испытательным материалом для катаевских экспериментов в области смещения жанровых границ. Приобретенный опыт помог В. Катаеву в поисках универсальной формы своим произведениям 1960 – 1980-х годов.

Заглавия катаевских фельетонов активируют читательские ассоциации, служат средством беллетризации фактической основы, смысловой концентрации произведения.

Список использованных источников

1. Артемова Л. В. Заголовок як маркер експресивності сучасної аналітичної статті / Л. В. Артемова // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики : збірник наукових праць / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – Київ, 2007. – Вип. 12. – С. 3–6.
2. Доценко М. Ю. Заголовок и смысловая структура текста / М. Ю. Доценко // Мир русского слова : научно-методический иллюстрированный журнал. – Санкт-Петербург, 2007. – № 4. – С. 37–39.
3. Заславский Д. Фельетон в газете / Д. Заславский. – М. : ВПШ при ЦК КПСС, кафедра журналистики, 1952. – 28 с.
4. Кайда Л. Г. Стиль фельетона : Выражение авторской позиции : Лекции / Л. Г. Кайда. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 62 с.
5. Катаев В. П. Полька «смычка» / Оливер Твист // Гудок. – 1924. – 7 декабря.
6. Катаев В. П. Собр. соч. : В 10 т. / В. П. Катаев – М. : Худож. лит., 1983 – 1986. – Т. 1 – 10.
7. Катаев В. П. Собр. соч. : В 9 т. / В. П. Катаев ; Прим. Л. Скорино. – М. : Худож. лит., 1968. – 1972. – Т. 1–9.
8. Мелещенко О. Який газетний заголовок кращий – «радянський», «американський» чи «український»? / О. Мелещенко // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. – Журналістика. – 1997. – Вип. 4. – С. 195–201.

9. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ. ; Сост. В. С. Муравьев. – М. : Прогресс, 1989. – 384 с.
10. Павлюк Л. Заголовок у дискурсі мас-медіа : семантико-змістові риси і функціонально-структурні типи / Л. Павлюк // Теле- та радіожурналістика : збірник наукових праць / Львівський нац. ун. ім. Івана Франка. – Львів, 2010. – Вип. 9, ч. 2. – С. 285–293.
11. Пазникова А. Д. Заглавие как жанромаркирующий фактор малой прозы : (На материале цикла А. Т. Аверченко «Двенадцать портретов (в формате «Будуар»)») / А. Д. Пазникова // Дергачевские чтения – 2008. – Екатеринбург, 2009. – Т. 2. – С. 189–192.
12. Сибиренко-Ставрояни Е. В. Заголовок в киевских газетах второй половины XIX – начала XX века : содержание и функции : автореф. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Сибиренко-Ставрояни Елена Владимировна ; Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1991. – 18 с.
13. Чапчачов Ф. Чувство времени / Ф. Чапчачов // Знамя. – 1972. – № 1. – С. 242–245.
14. Шкловский В. Б. Гамбургский счет : Статьи – воспоминания – эссе. 1914 – 1933. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.

Summary. The article is devoted to the analysis of realization the main genre principle of feuilleton (associative cohesion of the text) due to communicative function of the title. The titles of the feuilletons by V. Kataev serve not only for fictionalization of factual basis, but also are the initial impulses of attracting reader's attention. The title of the feuilleton by V. Kataev is regarded as a certain game between the author and the recipient, aimed at coding and decoding the text.

Key words: title, communicative function, feuilleton, V. Kataev.

УДК 811.112.2'25

В.І. Волошук

КАЛАМБУР ТА ПЕРИФРАЗ ЯК МОВНІ ЗАСОБИ КОМІЧНОГО В СУЧАСНОМУ НІМЕЦЬКОМУ СТИСЛОМУ ОПОВІДАННІ

В статті розглядаються мовні засоби комічного, а саме, каламбур та перифраз, у текстах стислих німецьких оповідань. Основна стилістична мета каламбуру – це створення комічного ефекту. Каламбур також виконує змістоутворюючу та композиційну функції. В стислих оповіданнях найбільш уживані полісемантичні та лейтмотивні каламбури, побудовані на семантичній та фонетичній основі. Перифраз в текстах стислих оповідань виконує номінативну, емоційно-оцінну, комічну функцію.

Ключові слова: каламбур, перифраз, мовні засоби комічного, гра слів, лейтмотив, полісемантичний, омонім, омоформ.

Вивчення мовних засобів комічного належить до проблематики, що займає проміжне становище між лексикологією й стилістикою. І хоча дослідженню комічного присвячено чимало теоретичних розвідок в лінгвістиці та літературознавстві, проте серед усіх семантичних засобів чи ни найменш дослідженими є каламбур та перифраз.

Частіше вчені розглядали каламбур як семантичний та стилістичний феномен чи як допоміжний матеріал при вивченні лексикології. В такому сенсі він розглядався у працях В.В.Виноградова, А.Н.Гвоздева, В.З.Саннікова, Д.Н.Шмельова, Л. А. Осіної та інших. Проте термін «каламбур» і сьогодні не має єдиного визначення.

Каламбур та перифраз досліджуються на прикладі текстів сучасних німецьких стислих оповідань („Kürzestgeschichte“) – відносно нового та майже недослідженого жанру. Якщо стислі оповідання і ставали об'єктом наукових розвідок, то це стосувалося їх екстралінгвальних чинників. Невеликий обсяг оповідань обумовлює стислість їх змісту, що призводить до більшої насиченості кожного елементу. Об'єктом дослідження серед мовних засобів комічного в даній статті стали каламбур та перифраз, бо вони не лише допомагають створити комічний ефект, але й сприяють підтекстному характеру в стислих оповіданнях.

У лінгвістиці дотепер немає єдиного розуміння сутності каламбуру, що відбивається і у термінологічному різноб'ї. Цей прийом ще часто називають «грою слів», «словесною гостротою», «подвійним змістом» і т.і.

Словник лінгвістичних термінів дає наступну дефініцію: каламбур – це «фігура мовлення, яка полягає в гумористичному (пародійному) використанні різних значень одного і того ж слова чи двох слів, що подібно звучать» [1, 188].